

В. В. Нуркова

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ С ПОЗИЦИЙ КУЛЬТУРНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена перспективам исследования автобиографической памяти (АП) с позиций культурно-исторического и деятельностного подходов. Продолжение линии анализа знакового опосредствования АП предполагает изучение: а) субкультурных моделей АП, которые сосуществуют в единой языковой среде; б) внутренней динамики культурных жизненных сценариев; в) параметров, моделируемых субъектом при создании индивидуальных средств регуляции АП. Деятельностный подход к изучению произвольных воспоминаний предполагает генетический анализ процесса операционализации воспоминаний и поиск характеристик деятельности, детерминирующих осознание автоматизированных воспоминаний. Относительно смыслового уровня деятельности существенным является анализ того, как человек решает задачу расширения доступных способов использования ресурса АП, переходя к активному и сознательному осуществлению «проекта» своей личности за счет намеренного формирования АП.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, деятельностный подход, автобиографическая память, знаковое опосредствование, деятельностная регуляция.

The aim of presented paper is to outline the future direction of autobiographical memory (AM) research in the frame of cultural-historical and activity approaches. Future study in mediation of AM should focus on: a) sub-cultural models of AM, which coexist in the same language context; b) inner dynamics of cultural life scripts; c) parameters of self-constructed tools for AM mediation. Activity approach considers voluntary memories as actions and involuntary memories as operations. The future study of involuntary memories should analyze the way of how conscious memories become unconscious and via versa. Looking at AM at the level of activity allow to understand reestablishing AM for personal development.

Key words: cultural-historical approach, activity approach, autobiographical memory, mediation, determination by activity.

Изучение *автобиографической памяти* (АП) было начато в конце 1970-х гг. в связи с «экологическим поворотом» в когнитивных науках (Neisser, 1978). В настоящее время объем эмпирических данных в этой

Нуркова Вероника Валерьевна — докт. психол. наук, доцент кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ. *E-mail:* nourkova@mail.ru

области достиг той критической границы, за которой начинает осознаваться потребность в выработке целостной научной теории, способной не только согласовать уже полученные данные, но и увидеть качественно новые проблемы, разработать на едином методологическом основании многоаспектную программу исследований, открыть новые закономерности, не усматриваемые на этапе хаотического «коллекционирования» и описания разноплановых феноменов. Сошлемся на выступление директора первого Международного центра исследований автобиографической памяти (CON AMORE) Д. Бернтсен, по мнению которой: «Наступает время перехода от накопления эмпирических обобщений, уже доказавших свою значимость в глазах мирового научного сообщества, к теоретическим обобщениям, к поиску теории автобиографической памяти» (Theoretical perspective..., 2010, p. 3).

В качестве наиболее продуктивной конкретно-научной методологии для создания теории АП нами была избрана методология культурно-деятельностного подхода (Нуркова, 2000, 2006, 2008, 2009а, 2010). С позиций этого подхода АП трактуется как онтогенетически позднее психологическое новообразование, высшая мнемическая функция, складывающаяся в совместной опосредствованной знаковыми системами деятельности людей. АП организована по смысловому принципу, оперирует с личностно отнесенным опытом, обеспечивает формирование субъективной истории личного прошлого и переживание себя как уникального, протяженного во времени субъекта жизненного пути. Ниже мы очертим круг основных результатов, полученных в рамках реализации разработанной программы исследований, и наметим направление дальнейшей разработки проблемы изучения АП.

Проблема динамических характеристик культурного жизненного сценария

В наших работах (Нуркова, 2008, 2009а, 2010) развернуто изложена логика исследования АП с позиций заявленного Л.С. Выготским методологического требования выявления и анализа представленных в культуре знаковых систем, в которых воплощены структура и функциональный потенциал производных от них форм существования специальных высших психических функций. «Характер употребляемого знака является тем основным моментом, в зависимости от которого конституируется весь остальной процесс», — пишет Л.С. Выготский (1983, с. 96). В качестве знаков, формирующих индивидуальную АП, нами рассматриваются многообразные аутоэмоциональные культурные практики и артефакты — культурный жизненный сценарий (Нуркова, Митина, Янченко, 2005), автобиографический нарратив (Нуркова, 2010), формы автобиографического диалога, бытовая фотография, дневник, мемуары, личное имя, автопортрет (Нуркова, Михайлова, Назлоян, 2005), метафорический образ прошлого и др.

В контексте современного состояния исследований АП наиболее обсуждаемым является конструкт культурного жизненного сценария (Berntsen, Bohn, 2009; Janssen, Rubin, 2010; Rubin et al., 2009). Отметим, что практически синонимом данного термина, введенного Д. Бернтсен и Д. Рубинном (Berntsen, Rubin, 2004), является термин «культурный концепт биографии», используемый С. Блак и Т. Хабермасом (Bluck, Habermas, 2000). *Культурный жизненный сценарий* (КЖС) — это разделяемые большинством членов культурной общности представления о типичном содержании и «расписании» жизненных событий, а также о приписываемой им значимости и валентности. По мнению Д. Томсен и Д. Бернтсен (Thomsen, Berntsen, 2008), КЖС может «форматировать» индивидуальную историю жизни разными способами: 1) направляя поиск информации из АП; 2) «подкрепляя» кодирование в памяти событий, согласующихся со сценарием; 3) поддерживая повторное воспроизведение социально желательных воспоминаний в рамках социальных практик; 4) воплощаясь во внешних материальных средствах, облегчающих воспроизведение; 5) формируя «организующие единицы» АП. Так, Д. Глак и С. Блак на основании данных, полученных на австрийской выборке пожилых респондентов, утверждают, что около половины воспоминаний, включенных в историю жизни в статусе важных, совпадают с содержанием КЖС (Gluck, Bluck, 2007). При ответе на вопрос «Какое событие своей жизни Вы могли бы назвать самым важным?» российские респонденты в 80% случаев называли «сценарное» событие (Нуркова, 2009а). Интересно, что у носителей КЖС складывается иллюзия его реальной принудительности (не просто «так положено жить», но «так проживают свою жизнь большинство людей»).

Сравнение КЖС представителей множества культур — США, Канады, Турции, Китая, Японии, Кореи, Пакистана, Дании, Великобритании и др. — показало, что сценарий может быть описан с точки зрения выраженности параметров, которые в современной культурологии используются для классификации культурных различий (Rubin et al., 2007). Это связывается с тем, что разнотипные культуры (например, отличающиеся по параметру индивидуализма/коллективизма) используют формирование АП в качестве стратегии создания личности, конгруэнтной доминирующему культурному профилю. Развивая эту мысль, можно прийти к выводу, что АП «европейского» типа направлена в первую очередь на формирование «базы данных» для персональной идентичности («Какой я?»), а АП «азиатского» типа — на формирование «базы данных» для социальной идентичности («С кем я?»). В дальнейшем сложившаяся структура определяет возможное содержание АП и служит орудием воспроизводства желательного для той или иной культуры типа личности.

Наиболее исследованным параметром культуры, связанным с функциями АП, является коллективизм/индивидуализм (обзор про-

блемы см.: Стефаненко, 2008, с. 190—231). В КЖС индивидуалистических культур преобладают события, ориентированные на личностную автономию (личные успехи и достижения), а в КЖС коллективистских культур — события, ориентированные на поддержание социальных связей (события, связанные с общиной). Причем авторы настаивают на устойчивости выраженности данных параметров, их независимости от возрастных и образовательных характеристик респондентов (Bohn, 2009; Janssen, Rubin, 2010).

Практически во всех проведенных на сегодняшний день исследованиях особенностей КЖС сравнению подвергались воспоминания представителей разных этнических групп, что, по нашему мнению, приводит к смешению как минимум двух факторов, определяющих взаимосвязь культуры и АП, — фактора нормативных образцов жизни человека и фактора языкового опосредствования всех высших психических процессов, которое является суперординатным по отношению к конкретному механизму интериоризации КЖС. Удалось найти лишь одно исследование (Harpaz-Rotem, Hirst, 2005), в котором участвовали носители одного языка, воспитанные в различных субкультурах. Авторы изучали воспоминания о раннем детстве у израильтян, выросших в кибуце, где воспитание осуществляется в группах по 10—20 детей в относительной изоляции от взаимодействия с родителями, и в семьях современного типа. Было показано, что в рамках одной языковой культуры могут сосуществовать субкультуры с разными стратегиями формирования АП, которые воспроизводятся в особенностях АП взрослых, принадлежащих к этим субкультурам.

В связи с указанным выше смешением факторов задачей ведущегося нами исследовательского проекта стал анализ особенностей КЖС у респондентов, являющихся носителями одного языка (русского), но принадлежащих к трем разным культурным общностям: москвичи, жители деревни — старообрядцы Верхокамья и жители деревни — приверженцы РПЦ (В.В. Нуркова, М.В. Днестровская). Согласно нашей гипотезе, КЖС может быть специфицирован относительно этапов жизненного пути. Предварительный анализ показал, что выраженность индивидуализма в КЖС современной городской субкультуры, максимальная в ранние периоды жизни человека, затем планомерно снижается, оборачиваясь в пожилом и старческом возрасте в свою противоположность — коллективизм. Иными словами, согласно «индивидуалистическому» КЖС, юноше и молодому человеку предписывается запоминать события, где протагонистом выступает он сам (профессиональные достижения, выбор партнера, рождение детей), а пожилому человеку предписывается переориентация с собственно автобиографических на альтербиографические события (свершения детей и внуков, исторические события). В деревенском, т.е. «коллективистическом», КЖС наблюдается обратная внутренняя динамика.

Содержания включенных в него событий детства и юности максимально коллективистичны (общинные работы — «помоги»), а содержания событий пожилого возраста — индивидуалистичны (единоличное ведение хозяйства, религиозные ритуалы, подготовка к смерти). Дополнительные данные в поддержку нашей гипотезы обещают не только внести вклад в более дифференцированную разработку описания культурных средств регуляции АП, но и обогатить междисциплинарное взаимодействие между психологией и культурологией.

Проблема развития практик культурного опосредствования АП

Особенно важной для нас является идея о том, что психика человека не пассивно «имитирует» наличную номенклатуру культурных средств, а в акте интериоризации переходит к созданию «психологических инноваций», которые впоследствии воплощаются в прогрессивном развитии опосредствующих психику материальных технологий. Иными словами, новые культурные средства неперестанно изобретаются и совершенствуются, создавая динамическое единство развития психической функции, опосредствующих ее знаков и форм деятельности. Психика и культура, таким образом, развиваются совместно, как две стороны единого процесса. Специально подчеркнем, что АП современного человека имеет ярко выраженный «гибридный» характер, т.е. принципиально опирается на системную конфигурацию как внутренних идеальных, так и внешних материализованных средств, функционирующих в неразрывном единстве. В связи с этим значимой частью нашей исследовательской программы является анализ того, как человек встраивает новые для него инновационные средства регуляции АП в структуру своей автобиографической мнемической активности, постепенно раскрывает их функциональный потенциал и преобразует в соответствии с индивидуальными запросами. Закономерности исторического развития знаковых систем, опосредствующих АП, были теоретически исследованы на материале феномена фотографии (Нуркова, 2006, 2007). Нами было продемонстрировано, как обогащение структуры организации АП, способов фиксации и извлечения автобиографического материала обеспечивалось процессом приобретения фотографией все новых социальных и психологических функций, которые получали необходимое техническое воплощение. Фотография позволяет обеспечить доступ к тем воспоминаниям, которые не могут быть извлечены из памяти произвольно; выполняет функцию «ключа» к семантически или ассоциативно связанным с ее содержанием пластам воспоминаний; процесс узнавания при обращении к фотографии произвольно преобразуется в процесс активного воспроизведения; массив личных фотографий выступает внешним средством для формирования индивидуальных стратегий временного упорядочения и структурирования личной

истории; способствует объективации деятельности, направленной на автобиографический анализ течения жизни и личностной динамики; служит источником формирования и трансформации идентичности, «материализуя» представления об интервалах самоидентичности.

Линия анализа знакового опосредствования АП продолжается в настоящее время серией работ, направленных на установление параметров, которые субъект пытается моделировать в инициативно создаваемом им самим культурном средстве для регуляции АП. Эмпирически сравниваются средства с разным уровнем контролируемости результата в ходе их производства. Предполагается, например, что сравнение фотографий «на память», полученных аналоговым способом (низкий уровень контроля) и цифровым способом (высокий уровень контроля) позволит установить, какие именно аспекты изображения оцениваются испытуемыми (во многом имплицитно) как потенциально существенные для регуляции будущих актов автобиографического воспоминания (В.В. Нуркова, Г.Н. Козяр). Материалом исследования выступают также методики «Линия жизни», «Автограф памяти», «Мнемошахматы» и др., разработанные нами (Нуркова, 2009а) как реализация экспериментально-генетического метода, который «искусственно вызывает и создает генетически процесс психического развития» (Выготский, 1983, с. 95).

Проблема деятельностной интерпретации произвольных и произвольных автобиографических воспоминаний

Остановимся подробнее на деятельностных детерминантах актуалгенеза АП. Очевидно, что любые мнемические феномены порождаются деятельностью человека. Причем актуализация мнемических содержаний семантического или эпизодического типа в реальности возникает только как референт операционального или целевого уровня развертывания деятельности, а специфика автобиографических содержаний заключается в том, что они (исключительно!) могут относиться ко всем выделенным А.Н. Леонтьевым структурным уровням деятельности. Феномены АП наблюдаются на операциональном, целевом и мотивационном уровнях деятельности.

Примером «просачивания» операционального уровня деятельности, обычно фрагментарно представленного в сознании, в статус ярких феноменов сознания являются произвольные автобиографические воспоминания. Механизмы такого спонтанного типа воспоминаний на сегодняшний день практически не изучены. Исключение составляют работы Э. Саламан (Salaman, 1970), Д. Бернтсен (Berntsen, 2009, 2010) и Л. Квавилашвили (Schlagman et al., 2006; Schlagman, Kvavilashvili, 2008). Э. Саламан исследовала феномен ностальгии и пришла к выводу, что ядром этого состояния являются непреднамеренные, произвольные автобиографические воспоминания, возникающие по ассоциативному

механизму как реакция на какой-либо компонент текущей ситуации. Д. Бернтсен и Л. Квавилашвили, сравнивая характеристики произвольных и непроизвольных воспоминаний, обнаружили большую специфичность и негативность последних.

Показательно, что, по мнению зарубежных коллег, автобиографические воспоминания такого рода за счет интенсивной эмоциональности насильственно вторгаются в течение деятельности, нарушают его, заполняя сознание против воли вспоминающего. С точки зрения деятельностного подхода верно как раз обратное предположение. Непроизвольное осознание автобиографического содержания свидетельствует о том, что это содержание существенно и необходимо для продолжения деятельности. Вхождение воспоминания в план сознания призвано «выправить» нарушившееся действие. Как известно, в случае плавного течения деятельности ее операциональный уровень не осознается. Хотя, как указывает А.Н. Леонтьев, «И операции, и условия действия также могут входить в круг сознаваемого. Только они входят в него существенно иначе, чем собственно действия и их цели» (Леонтьев, 1959, с. 528). Указанное отличие заключается в том, что операции данного вида исторически являются наследниками сходных по содержанию действий. «Действие и его цель, входя в состав другого действия, уже прямо не “презентируются” в сознании. Это, однако, не значит, что они вовсе перестают сознаваться. Они лишь занимают другое место в сознании: они как бы только сознательно контролируются, т.е. при известных условиях *могут* сознаваться... Достаточно какого-нибудь отклонения от нормального осуществления этой операции, и тогда сама эта операция, как и ее предметные условия, отчетливо выступают в сознании» (там же). Отсюда адекватная логика изучения непроизвольных автобиографических воспоминаний заключается в разведении двух задач. Первая из них — исторический анализ процесса автоматизации осознанных прежде воспоминаний, а вторая — поиск ответа на вопрос: при каких именно затруднениях течения деятельности происходит «вброс» автобиографических воспоминаний в сознание? Только при такой постановке проблемы, по нашему мнению, можно понять реальные принципы неосознаваемого функционирования АП, не прибегая к устойчивым, в том числе в среде специалистов, метафорам накопления скрытого от сознания субъекта автобиографического опыта, исподволь определяющего различные аспекты его психической жизни.

Функционирование АП на целевом уровне представлено произвольными воспоминаниями. Произвольное воспроизведение автобиографических воспоминаний чаще всего является компонентом цели, внешней по отношению к содержанию АП. Тогда воспоминания представляют собой материал для реализации социально ориентированных (например, коммуникативных) и саморегуляционных (для регуляции психологического состояния или планирования поведения) действий.

Именно такая форма автобиографических воспоминаний традиционно исследуется в когнитивной психологии. Однако отсутствие четкого понимания структурирующей роли деятельности относительно психических феноменов приводит к тому, что произвольное воспоминание рассматривается не системно, а как замкнутое в самом себе воспоминание *ad hoc*. В отличие от такой, по нашему мнению, неправомерной интерпретации мы предположили, что конкретная конфигурация потенциально возможных характеристик автобиографического воспоминания определяется как степенью овладения системой соответствующих культурных средств, так и местом материала личного опыта в структуре текущей деятельности.

Следствием проверки данной гипотезы стало, в частности, открытие *эффекта зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности* (Нуркова, 2009б). Материалом исследования служили произвольные воспоминания о террористических актах в Москве в сентябре 1999 г., полученные от одной и той же группы респондентов-москвичей в ходе двух опросов (в апреле и октябре 2002 г.). Анализ данных показал, что ряд параметров чувственной ткани мнемического образа (субъективная яркость и полнота), его значения (оценка исторической значимости события прошлого), а так же уровень его субъективной достоверности изменяются в соответствии с динамикой смысловой насыщенности воспроизводимого материала. В нашем исследовании данная динамика была связана с наступлением сходного по смысловому содержанию события — захвата заложников в театральном центре на Дубровке в октябре 2002 г.

При первом опросе (апрель 2002 г.) проблема личной безопасности перед лицом террористической угрозы не была для респондентов первоочередной. Содержание целевого события было запечатлено в памяти произвольно как аккомпанемент их частной жизни. При этом базовая потребность в безопасности выполняла смыслообразующую, но не побуждающую функцию, что тем не менее обусловило достаточно высокий уровень произвольного запоминания. Задачу «вспомнить о террористических актах в Москве в сентябре 1999 г.» респонденты восприняли как необходимую часть взаимодействия с исследователем в рамках познавательной деятельности (принять участие в исследовании памяти). В связи с этим при воспроизведении наблюдался средний уровень яркости и полноты образа и невысокая уверенность в достоверности своего воспоминания.

Второй опрос проводился непосредственно после захвата террористами заложников в театральном центре на Дубровке (21 октября 2002 г.). В результате был зафиксирован значимо более высокий, чем в первом опросе, уровень яркости и полноты образа воспоминания в совокупности с высочайшим уровнем субъективной достоверности. Причину эффекта, обратного описанному Ч. Томпсоном закону ретро-

спективного снижения негативного аффекта (Thompson et al., 1996), мы видим в том, что в свете вновь сложившихся обстоятельств мотив личной безопасности стал для респондентов-москвичей значительно более актуальным. Воспоминание о терактах 1999 г. не только не ослабло со временем, но стало более волнующим и более личностно значимым, поскольку угроза терроризма была вновь осознана как реально существующая. Произошла своеобразная «реставрация» смысловой иерархии осени 1999 г. Другими словами, то же самое мнемическое содержание было включено в иную систему деятельности. Та же самая мнемическая задача теперь субъективно воспринималась как возможность выразить свою тревогу, поделиться ею с исследователем. Цель «вспомнить» выступила как относящаяся к актуально фрустрированному и напряженному мотиву безопасности.

Механизм эффекта зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности заключается в том, что различные аспекты актуализируемых в сознании воспоминаний выступают как единая взаимообусловленная система «чувственная ткань—значение (характер вербализации)—смысл», отражающая мотивационные и целевые детерминанты процессов запоминания и воспроизведения содержаний памяти. Тогда наращивание смысла содержания через актуализацию его в рамках более высоко мотивированной деятельности как бы иррадирует на другие образующие сознания — чувственную ткань и значение. В нашем исследовании влияние полюса смысла на значение проявилось в повышении оценок исторической значимости событий, а влияние полюса смысла на чувственную ткань образа — в повышении оценок субъективной яркости и детальности воспоминания.

Таким образом, основываясь на деятельностной интерпретации АП как целостной системы личного опыта, обеспечивающей целенаправленную жизнедеятельность субъекта, нам удалось выявить новый эффект, присущий ее работе, — соответствие динамики изменения феноменологических характеристик воспоминаний (яркости и детальности образа) динамике деятельностного смыслообразования.

Значимость направления исследовательского внимания на осознаваемый уровень функционирования АП подтверждается и существованием особого мнемического переживания, сопровождающего воспроизведение автобиографически отнесенной информации — состояния автоноэзиса (Tulving, 2001). В диссертационном исследовании В.И. Еременко (2007), выполненном под нашим руководством, была экспериментально поддержана гипотеза о том, что мнемические переживания выступают индикаторами генеза мнемического содержания как для самого вспоминающего, так и для других участников коммуникативной ситуации. В частности, мнемическое переживание автоноэзиса («я вспоминаю») характеризуется высокой субъективной

достоверностью, когнитивной активностью, сложностью переработки, активным участием конструктивных процессов и интенсивной эмоциональной насыщенностью процесса воспоминания (Нуркова, Еременко, 2006, 2007).

Проблема автобиографически мотивированной деятельности

С нашей исследовательской позиции наибольший интерес, но и, безусловно, наибольшую сложность представляет собой анализ процесса автобиографического воспоминания, который инициируется и поддерживается специфической мотивацией «иметь субъективную презентацию истории личного существования», «утвердить уникальность своего личного существования» и осуществляется на двух уровнях — в создании событийной истории жизни и индивидуальной концепции судьбы. Таким образом, содержания АП становятся в полном смысле мотивами специальной формы мнемической деятельности. Сложившиеся культурные практики в целом могут рассматриваться как внешний источник формирования личности посредством культивирования определенного типа АП, эту личность конституирующего и задающего. Однако на определенном этапе личностного развития человек ставит перед собой задачу расширения доступных способов использования ресурса автобиографического опыта, перехода к активному и сознательному овладению им («господству», в терминах Выготского). Развитие АП как высшей, т.е. социальной, опосредствованной, системной, осознаваемой и в результате произвольной функции делает ее орудием сознательной самодетерминации личности. На данном уровне развития АП начинает выполнять специфические экзистенциальные функции временной интеграции личности и организации временного аспекта ее самосознания.

В связи с этим в нашу исследовательскую программу вошла проблема анализа автобиографического нарратива как процесса и результата реализации целенаправленного мнемического действия, исполненного по семиотическим правилам и мотивированного осознанным стремлением к стабилизации или изменению существующей иерархии мотивов для оптимизации характеристик будущей деятельности (Нуркова, 2010). По словам Г.К. Середы, «личность поддается диахроническому описанию по таким диагностическим формулам: “Скажи мне, кто ты, и я скажу тебе, что ты помнишь; скажи мне, что ты помнишь, и я скажу тебе, кто ты”» (Лактионов, Середа, 1993, с. 107). В этом смысле трудно не согласиться с тем, что «проблема “память и личность” ... есть одновременно и проблема становления памяти, и проблема становления личности» (Середа, цит. по: Иванова, 2009, с. 34). Для нас особенно существенно понять, как человеку удастся выстраивать и осуществлять «проект» своей личности за счет намеренной трансформации своей АП.

В заключение укажем на значимость применения знаний об АП при научном освоении новых для психологии явлений. По нашему мнению, развитая АП становится условием возникновения таких личностных феноменов, как патриотизм, благодарность, прощение, мудрость (способность продуктивно решать жизненные задачи с опорой на свой жизненный опыт и ориентацией на ценности). Теоретическое осмысление подобных феноменов также не может быть продуктивным без учета закономерностей осуществления автобиографически мотивированной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
- Еременко В.И.* Знание и воспоминание как формы переживания прошлого: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Иванова Е.Ф.* Теория памяти Г.К. Середы как развитие идей школы П.И. Зинченко // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 23—38.
- Лактионов А.Н., Середа Г.К.* Деятельностная парадигма и проблема памяти в трудах П.И. Зинченко (К 90-летию со дня рождения) // Вопр. психологии. 1993. № 4. С. 102—108.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1959.
- Нуркова В.В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
- Нуркова В.В.* Зеркало с памятью. Феномен фотографии: культурно-исторический анализ. М., 2006.
- Нуркова В.В.* Фотография как «техника себя»: Анализ с позиций культурно-деятельностной психологии // Культурно-историческая психология: современное состояние и перспективы / Под ред. И.А. Корепановой. М., 2007. С. 70—80.
- Нуркова В.В.* Анализ феноменов автобиографической памяти с позиций культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2008. № 1. С. 17—25.
- Нуркова В.В.* Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009а.
- Нуркова В.В.* Эффект зависимости феноменологических характеристик мнемического образа от мотивационно-смысловой динамики деятельности // Культурно-историческая психология. 2009б. № 2. С. 60—68.
- Нуркова В.В.* Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология. Журн. ВШЭ. 2010. Т. 7. № 2. С. 64—82.
- Нуркова В.В., Еременко В.И.* Мнемические переживания как основа сознательной регуляции в процессе обращения к памяти // Первая Всероссийская конференция «Психология сознания: современное состояние и перспективы». Самара, 29 июня—2 июля 2007. Самара, 2007. С. 45-47.
- Нуркова В.В., Еременко В.И.* Субъективное пространство мнемических явлений (на материале глаголов, характеризующих процесс воспоминания) // Вторая международная конференция по когнитивной науке (Санкт-Петербург, 9—13 июня 2006 г.) Т. 1. СПб., 2006. С. 270—272.
- Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В.* Ступени в субъективной картине прошлого // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 2. С. 22—32.
- Нуркова В.В., Михайлова О.И., Назлоян Г.М.* Автопортрет как средство саморегуляции личности // Журн. практ. психолога. 2005. № 1. С. 100—119.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. 4-е изд. М., 2008.

- Berntsen D.* Involuntary autobiographical memories. Cambridge, UK, 2009.
- Berntsen D.* The unbidden past: Involuntary autobiographical memories as a basic mode of remembering // *Current Directions in Psychological Science*. 2010. Vol. 19. P. 138—142.
- Berntsen D., Bohn A.* Cultural life and individual life stories // *Memory in mind and culture* / Ed. by P. Boyer, J.V. Wertsch. Cambridge, UK, 2009. P. 62—82.
- Berntsen D., Rubin D.* Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // *Memory and Cognition*. 2004. Vol. 32. Is. 3. P. 427—443.
- Bluck S., Habermas T.* The life story schemata // *Motivation and Emotion*. 2000. Vol. 24. P. 121—147.
- Bohn A.* Generational differences in cultural life scripts and life story memories of younger and older adults // *Appl. Cognit. Psychol.* 2009. Vol. 24. N 9. P. 1324—1345.
- Gluck J., Bluck S.* Looking back across the life span: A life story account of the reminiscence bump // *Memory and Cognition*. 2007. Vol. 35. P. 1928—1939.
- Harpaz-Rotem I., Hirst W.* The earliest memory in individuals raised in either traditional and reformed kibbutz or outside the kibbutz // *Memory*. 2005. Vol. 13. N 1. P. 51—62.
- Janssen S.M.J., Rubin D.C.* Age effects in cultural life scripts // *Appl. Cognit. Psychol.* 2010 (Apr.). n/a. doi: 10.1002/acp.1690. Article first published online: 8 APR 2010.
- Neisser U.* Memory: What are the important question? // *Practical aspects of memory* / Ed. by M.M. Gruneberg, P.E. Morris, R.N. Sykes. L., 1978. P. 3—24.
- Rubin D.C., Berntsen D.* Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // *Memory and Cognition*. 2004. Vol. 32. N 3. P. 427—442.
- Rubin D., Berntsen D., Hutson M.* The normative and the personal life: Individual differences in life scripts and life story events among USA and Danish undergraduates // *Memory*. 2009. Vol. 17. P. 54—68.
- Rubin D.C., Schrauf R.W., Gulgoz S., Naka M.* Cross-cultural variability of component processes in autobiographical remembering: Japan, Turkey, and the USA // *Memory*. 2007. Vol. 15. N 5. P. 536—547.
- Salaman E.P.* A collection of moments: a study of involuntary memories. Harlow, 1970.
- Schlagman S., Kvavilashvili L.* Involuntary autobiographical memories in and outside the laboratory: how different are they from voluntary autobiographical memories? // *Memory and Cognition*. 2008. Vol. 36. N 5. P. 920—932.
- Schlagman S., Schulz J., Kvavilashvili L.* A content analysis of involuntary autobiographical memories: Examining the positivity effect in old age // *Memory*. 2006. Vol. 14. P. 161—175.
- Theoretical perspective on autobiographical memory / CON AMORE — Center on Autobiographical Memory Research. Aarhus, Denmark, 2010.
- Thomsen D., Berntsen D.* The cultural life script and life story chapters contribute to the reminiscence bump // *Memory*. 2008. Vol. 16. Is. 4. P. 420—435.
- Thompson C.P., Skowronski J.J., Larsen S.F., Betz A.L.* Autobiographical memory: Remembering what and remembering when. N.J., 1996.
- Tulving E.* Origin of autoeosis in episodic memory // *The Nature of remembering: Essays in honor of Robert G. Crowder* / Ed. by H.L. Roediger, III, J.S. Nairne et al. Washington, DC, 2001. P. 17—34.